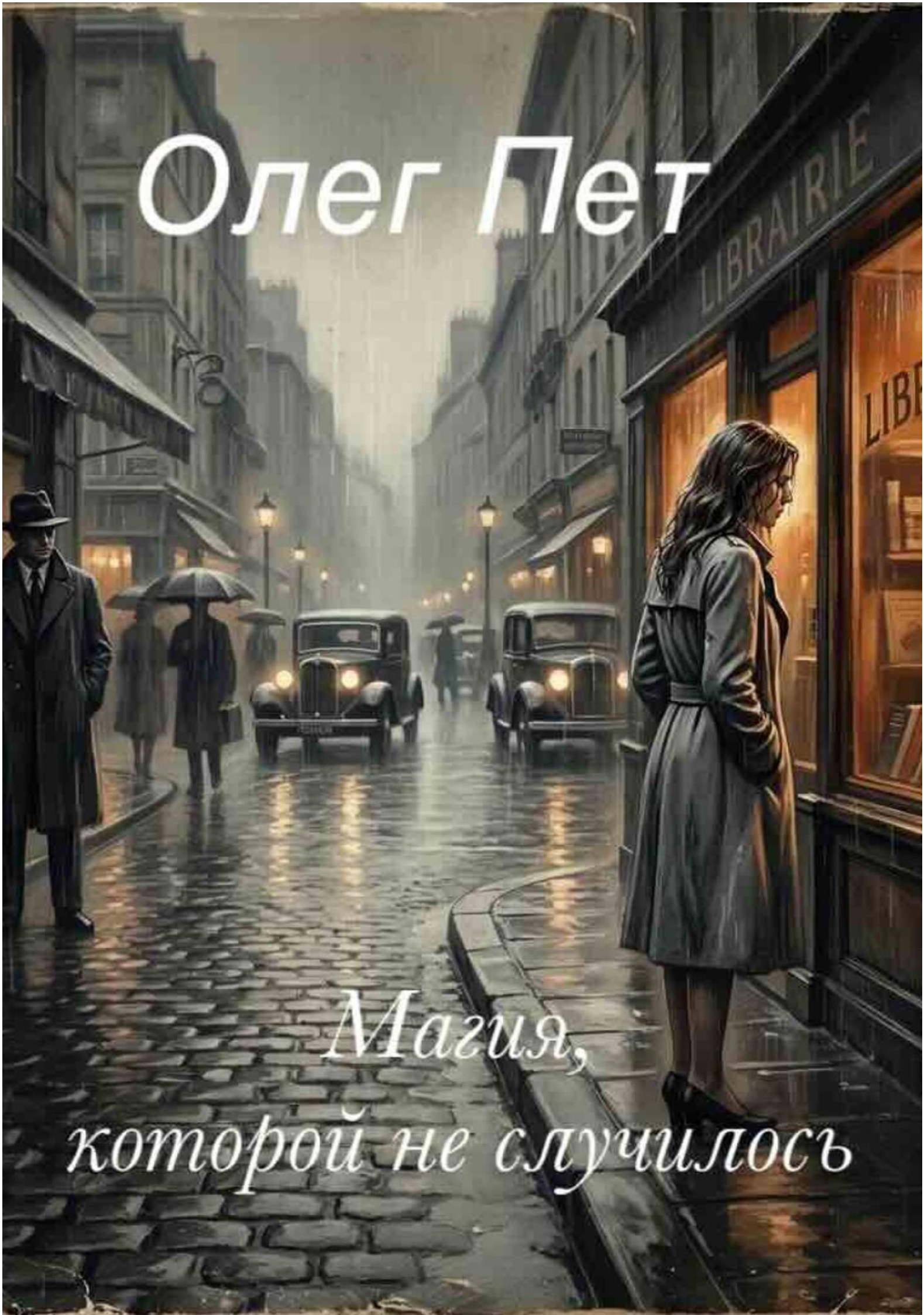

Олег Пет
LIBRAIRIE
Магия,
которой не случилось

Олег Пет

# Магия, который не случилось

«Автор»
2026

**Пет О.**

Магия, который не случилось / О. Пет — «Автор», 2026

Он встретил её на вокзале, в дождь, среди чужих чемоданов и расписаний. Она сказала: «Куда-нибудь». Он дал ей спички. И это было всё, что нужно было для начала. Потом были поезда, дешёвые гостиницы, ржавая вода из крана, ночные разговоры и её рука в его руке. Он ждал, что вот сейчас, в этой руке, в этом молчании, в этом дожде за окном, случится что-то большее. Но ничего не случалось. Только жизнь. Тихая, незаметная, как поезд, который идёт по расписанию, пока ты смотришь в другую сторону.Она ушла. Потом позвонила. Потом вернулась. А он всё сидел у окна и смотрел в пустоту, ожидая, что магия придёт. Она была рядом. Она курила на балконе. Она готовила макароны. Она ждала его на вокзале. Но он не видел. Потому что магия — это не гром. Это чужая холодная ладонь. Это дым сигареты, который на секунду скрывает одиночество. Это женщина, которая говорит: «Куда-нибудь». И ты идёшь за ней. А потом теряешь.

© Пет О., 2026
© Автор, 2026

# Олег Пет
# Магия, который не случилось

*Иногда мы понимаем, что вся та магия, которой мы ждём всю жизнь, уже здесь, рядом. Нужно лишь протянуть руку. Но руку мы протягиваем слишком поздно — когда рядом уже никого нет. Когда остаётся только дождь за окном, остывший кофе и пепельница с окурками. Тогда мы сидим и смотрим в пустоту, и до нас наконец доходит: чудо было не в громе и не во вспышке. Оно было в чужой холодной ладони. В дыме сигареты. В том, как кто-то спал у тебя на плече в ночном поезде. Оно было рядом. А мы ждали. И потеряли всё.*

*Олег Пет*

Магия, которой так и не случилось

Повесть

Пролог. Пустая комната

Был вечер. Такой же, как все остальные. Серый, тихий, с дождём за окном. Я сидел у окна и смотрел в пустоту. Передо мной стояла чашка с остывшим кофе. В пепельнице лежали окурки. Я не считал их.

Комната была пустая. Не в том смысле, что в ней не было мебели. Мебель была. Стол, стул, кровать, шкаф. Но она была пустая, как бывает пустым дом, из которого вынесли всё, что делало его домом.

За окном шёл дождь. Тот самый, упрямый, который проникает в пальто, в ботинки, в мысли. Он шёл уже третий день. Или третий год. Я не знал.

Я думал о Юле. Раньше я думал о ней каждый день. Теперь — реже. Иногда она приходила во сне, просто стояла и смотрела. Я просыпался и не мог вспомнить, что чувствовал.

Я думал о том, что магия, которой так и не случилось, была не в ней. Она была во мне. Я не умел её видеть. Я умел только ждать. Ждать грома. Ждать вспышки. Ждать, что кто-то придёт и сделает меня счастливым. А счастье было здесь. В её руке. В её молчании. В том, что она готовила мне макароны. В том, что она звонила мне ночью. И я не замечал.

Я встал. Подошёл к шкафу. На полке лежал её шарф. Серый, в мелкую полоску. Она забыла его. Или оставила нарочно. Я взял его в руки. Запах почти выветрился. Остался только слабый след. Я положил шарф обратно и закрыл дверцу.

На столе лежала книга. Та самая, с письмом внутри. Я не трогал её. Не потому, что боялся. А потому, что больше не нужно было.

Я вернулся к окну. Сел. Хотел закурить, но сигарет не было. Я улыбнулся и выпил чай. Просто чай. Просто вечер. Просто я.

Глава первая. Дождь и сигарета

Был октябрь. Дождь шёл с утра и не собирался прекращаться. Он был не сильный, но упрямый — такой, который проникает в пальто, в ботинки, в мысли. Я стоял в очереди за билетом, хотя мне не нужно было никуда ехать. Просто вокзал был единственным местом, где можно было сидеть и смотреть на людей, не вызывая подозрений. Здесь все кого-то ждали или от кого-то уезжали. Я не ждал никого.

Она стояла впереди, у кассы. Мокрые волосы прилипли к щекам, чемодан был старый, с потёртыми углами. Она держала его так, будто он был единственным, что у неё осталось. Я

заметил, как она достала из кармана платок, вытерла лицо и снова спрятала. Ничего особенного. Просто женщина на вокзале. Просто дождь. Просто вечер, который некуда было деть.

Очередь двигалась медленно. Когда она отошла от кассы, я услышал, как она сказала кассиру: «Куда-нибудь. На ближайший». Кассир что-то буркнул. Она взяла билет и отошла в сторону. Я купил билет до города, в котором не был уже лет пять. Мне всё равно было куда.

В буфете пахло кофе и мокрой шерстью. Я сел за стол у окна. За стеклом перрон блестел от воды, фонари расплывались жёлтыми пятнами. Она вошла через минуту, поставила чемодан у стены и села через два стола от меня. Достала сигарету, но не нашла спичек. Я поднялся и протянул ей свои.

— Спасибо, — сказала она.

— Не за что.

Она закурила. Дым пошёл вверх, к лампе, и на секунду скрыл её лицо. Я вернулся за свой стол. Мы сидели молча. Я пил кофе, она курила и смотрела в окно. В буфете играло радио, но музыка была такая тихая, что её почти не было слышно.

— Вы тоже ждёте поезд? — спросила она.

— Нет. Просто сижу.

— Понятно.

Она не удивилась. Вокзалы вообще не удивляются. Здесь можно сидеть часами, и никто не спросит, почему ты не уезжаешь.

— Дождь, — сказал я.

— Да. Уже второй день.

— Третий.

— Может быть.

Она докурила и погасила сигарету в пепельнице. У неё были длинные пальцы и тонкое запястье. На левой руке не было кольца. Я не думал об этом. Просто заметил.

— Вы куда? — спросил я.

— Не знаю. Куда-нибудь. — Она улыбнулась, но не весело. — Так иногда говорят, когда не хотят объяснять.

— Я не спрашиваю.

— Хорошо.

Я закурил вторую сигарету. Она смотрела на дождь. Я смотрел на её чемодан. На нём была наклейка с названием гостиницы, которую я когда-то знал. Дешёвая гостиница в портовом городе. Я жил там одну зиму. Тогда мне казалось, что я начинаю новую жизнь. Потом оказалось, что просто меняю одну комнату на другую.

— Вы часто ездите? — спросила она.

— Иногда.

— И куда?

— Куда получится.

Она кивнула. В этом не было ни иронии, ни любопытства. Просто разговор двух людей, которым некуда спешить.

— Меня зовут Юля, — сказала она вдруг.

— Я запомню.

— А вас?

Я назвал себя. Она повторила имя, будто примеряла его. Потом сказала:

— Странно. Я думала, вас зовут иначе.

— Как?

— Не знаю. Может, Генрих. Или Рудольф.

— Нет. Просто я.

— Жаль.

Мы оба улыбнулись. Впервые за вечер. Это была не искра. Это было просто тепло. Маленькое, как огонёк спички, который тут же гаснет.

Она заказала чай. Я — ещё кофе. Мы просидели так около часа. Говорили о поездах. О том, что ночные поезда пахнут углём и чужими жизнями. О том, что на вокзалах всегда холодно, даже летом. О том, что в городах, где мы были, всегда шёл дождь. Она рассказала, что однажды опоздала на поезд и осталась на перроне до утра. Я рассказал, что однажды ехал в тамбуре всю ночь, потому что не было мест. Ничего особенного. Просто две биографии, которые на час пересеклись в буфете.

— Вы не похожи на человека, который любит вокзалы, — сказала она.

— Я не люблю их. Я к ним привык.

— Это другое.

— Да.

Она посмотрела на часы. Старые, на кожаном ремешке.

— Мне скоро.

— Я провожу.

— Не надо.

— Хорошо.

Мы сидели ещё несколько минут. Потом она встала. Я тоже. Она взяла чемодан. Я открыл ей дверь. На перроне было холодно. Дождь почти перестал. Поезд уже стоял, тёмный и длинный, как стена.

— Спасибо за спички, — сказала она.

— Пустяки.

— И за разговор.

— Он был ни о чём.

— Поэтому и хороший.

Она протянула руку. Я пожал её. Ладонь была холодная. Потом она пошла в свой вагон. Я стоял на перроне и смотрел, как она идёт по коридору. Она не обернулась. Поезд тронулся. Я закурил и пошёл к выходу.

На улице пахло мокрым асфальтом и углём. Я не думал, что увижу её снова. Я вообще ничего не думал. Просто шёл домой, а в кармане лежал билет до города, в котором меня никто не ждал. В тот вечер я ещё не знал, что магия — это не гром и не знамение. Это чужая холодная ладонь. Это дым сигареты, который на секунду скрывает одиночество. Это женщина с мокрыми волосами, которая говорит: «Куда-нибудь». И ты идёшь за ней. Но тогда я этого не знал. Тогда я просто шёл домой.

Глава вторая. Привыкание

Я нашёл её номер на салфетке. Она лежала в кармане пальто, смятая, с расплывшимися чернилами. Я машинально сунул ее туда. Должно быть, Юля оставила её, пока я ходил за кофе. Я не звонил неделю. Потом ещё неделю. Салфетка лежала на столе рядом с пепельницей, и каждый раз, когда я закуривал, я смотрел на эти цифры. Они ничего не значили. Просто женщина с вокзала. Просто дождь. Но однажды вечером, когда за окном снова шёл дождь, я набрал номер.

Она ответила после третьего гудка. Голос был сонный, но я сразу узнал его.

— Это вы, — сказала она. Не спросила, а утвердила.

— Откуда вы знаете?

— У вас голос человека, который долго стоит на перроне и не знает, куда идти.

Я усмехнулся. В трубке было тихо. Потом она сказала:

— Я думала, вы не позвоните.

— Я тоже так думал.

— Почему позвонили?

— Не знаю. Дождь.

— Понятно.

Мы встретились через два дня. В том же буфете, но уже без чемодана. Она пришла в синем пальто, волосы были сухие, и я впервые увидел её лицо без дождя. Оно было усталым и спокойным. Мы сели за тот же стол. Она заказала чай, я кофе. Разговор не клеился.

Мы натянуто говорили о пустяках — о ценах, о погоде, о том, что в этом городе слишком мало мест, где можно сидеть вечером. Но молчание было не тяжёлым. Оно было как старый свитер, который уже привык к телу.

Потом мы пошли гулять. Просто шли по мокрым улицам, мимо закрытых магазинов и жёлтых окон. Она курила, я тоже. Иногда она брала меня под руку, когда мы переходили дорогу. Это было ничего. Просто жест. Но я запомнил тепло её ладони через ткань пальто.

Через неделю мы встретились снова. Потом ещё раз. Потом это стало привычкой. Я звонил ей по вторникам и пятницам. Она звонила мне, когда не могла уснуть. Мы говорили ни о чём. Иногда просто молчали в трубку. Это было странное чувство — знать, что где-то в городе есть человек, который в этот момент тоже не спит и думает о тебе. Не романтика. Просто тихая связь.

Она жила в маленькой квартире на окраине, с окнами на железную дорогу. Я жил в комнате, которую снимал у старой женщины, пахнущей валидолом и кошками. Мы не сразу начали бывать друг у друга. Сначала это были просто встречи в кафе. Потом она пригласила меня на ужин. Готовила она плохо, но честно. Макароны с сыром, дешёвое вино. Мы ели на кухне, за маленьким столом, и в окно было видно, как проходят поезда. На её кухне всегда пахло луком и стиральным порошком. Я потом узнавал этот запах в подъездах и на секунду останавливался. Она сказала:

— Я люблю смотреть на поезда. Они всегда куда-то едут. А я — нет.

— Почему?

— Не знаю. Может, боюсь, что там будет то же самое, только с другим видом из окна.

Я не стал спорить. В её словах было что-то, что я понимал без объяснений.

Потом мы начали ездить вместе. Недалеко. На выходные. В города, где никогда не были. Мы садились на утренний поезд, и она засыпала у меня на плече. Я смотрел в окно и думал, что в этом нет ничего особенного. Просто два человека в поезде. Но каждый раз, когда она просыпалась, я чувствовал что-то, похожее на облегчение. Будто она вернулась откуда-то, куда я не мог за ней пойти.

В одном таком городке мы сняли номер в дешёвой гостинице. Кровать скрипела, обои были в цветочек, а из крана шла ржавая вода. Она смеялась. Я тоже.

Кровать скрипела так, что ночью я боялся шевельнуться. Спина к утру затекала. Я лежал и слушал море, и в этом тоже не было ничего волшебного.

Но утром я забыл об этом.

Пока она собирала вещи, я стоял у окна и смотрел на море. Оно было серое и плоское. Она подошла сзади и обняла меня за плечи.

— Слушай, — сказала она. — А что будет с нами?

Я не обернулся. Я смотрел на воду.

— Поезд в одиннадцать сорок, — сказал я. — Надо выйти за полчаса, иначе не успеем.

Она убрала руки. Я это почувствовал не сразу, а через секунду, как чувствуешь, что из комнаты ушло тепло.

— Хорошо, — сказала она.

Мы успели на поезд. Всё было в порядке. Она смеялась над моей помятой рубашкой, я искал вторую сигарету.

Она спала у меня на плече. Я смотрел в окно на проплывающие поля и думал, что надо будет купить ещё сигарет. И только где-то на середине пути, когда она пошевелилась во сне и её рука коснулась моей, я снова почувствовал этот тихий щелчок. Но не придал ему значения. Я всё ещё ждал грома.

И только через год я понял, что тогда она спрашивала не про поезд.

Мы много ездили в тот год. Поезда, автобусы, случайные попутчики. Она любила дорогу. Говорила, что в движении чувствует себя живой. Я любил смотреть, как она спит, подложив под голову свёрнутое пальто. Иногда она просыпалась и спрашивала:

— Ты когда-нибудь думал о том, чтобы просто уехать и не возвращаться?

— Думал.

— И почему не уехал?

— Не с кем было.

Она улыбалась и закрывала глаза. Я не говорил, что теперь, возможно, есть с кем. Но что-то в моей груди становилось теплее.

Привыкание было медленным, как ржавчина. Сначала я замечал, что покупаю две бутылки вина вместо одной. Потом — что оставляю у неё зубную щётку. Потом — что знаю,

какой чай она пьёт и какую музыку слушает, когда грустно. Она знала, что я не люблю звонки утром и что курю только на балконе. Мы не говорили о любви. Мы просто жили рядом. Это было не магия. Это было что-то другое. Тише. Но я всё ещё ждал, что где-то там, за поворотом, вспыхнет свет. Что однажды я прикоснусь к ней и пойму: вот оно. Но этого не происходило. И я думал, что, может быть, это и есть ошибка. Может быть, настоящая магия выглядит иначе.

А она просто была рядом. Курила на балконе, спала в поездах, смеялась над моими мрачными шутками. И в те вечера, когда я сидел у окна и смотрел в пустоту, она подходила, клала руку мне на плечо и ничего не спрашивала. Это было больше, чем я заслуживал. Но я ещё не знал, что это и есть то самое. Магия, которой так и не случилось — потому что она уже случилась, а я всё ждал её где-то в другом месте.

Глава третья. Магия

Мы остановились в гостинице у моря. Это был конец октября, сезон давно закончился, и город был пуст. Отели стояли с тёмными окнами, на набережной ветер гонял мокрые листья, и только в нашем отеле горел свет в одном окне — нашем. Хозяйка, пожилая женщина с усталыми глазами, выдала нам ключ и сказала, что горячую воду дают только утром. Мы не стали спорить.

Номер был маленький. Кровать, стол, два стула и окно, выходящее на море. Море было серым, как и всё вокруг. Оно шумело так, будто хотело что-то сказать, но забыло слова. Я стоял у окна и курил. Юля сидела на кровати, поджав ноги, и читала старый журнал, который нашла в тумбочке. Иногда она перелистывала страницу и вздыхала. Я не спрашивал почему. В такие моменты лучше не спрашивать.

— Ты когда-нибудь чувствовал, что находишься не в своей жизни? — спросила она вдруг, не поднимая глаз от журнала.

— Часто.

— И что ты делаешь?

— Живу дальше.

Она закрыла журнал и посмотрела на меня. В её взгляде было что-то, чего я не мог понять. Не грусть. Не радость. Что-то посередине.

— А я иногда думаю, что если бы свернула не на ту улицу, то оказалась бы совсем в другой истории. С другими людьми. С другим именем.

— И ты бы хотела?

— Не знаю. Может быть.

Я докурил и закрыл окно. Стало тише. Только море продолжало шуметь, но уже не так настойчиво. Я сел на край кровати. Она положила руку мне на плечо. Просто положила. Не притянула, не обняла. Просто рука на плече. Тепло через рубашку. Я почувствовал его, но не придал значения.

Потом мы пошли гулять. Ветер был холодный, пронизывающий. Она взяла меня под руку, и мы шли вдоль пустых пляжей, мимо закрытых кафе с перевёрнутыми стульями. На песке валялись обломки ракушек и водоросли. Она наклонилась, подняла маленькую раковину и протянула мне.

— На память.

— О чём?

— О том, что мы здесь были.

Я взял раковину. Она была холодная и шершавая. Я положил её в карман, и потом весь вечер чувствовал её там, как маленький камень, который напоминал о чём-то, чего я не мог назвать.

Вечером мы вернулись в номер. Хозяйка принесла нам бутылку вина и два стакана. Вино было дешёвое, кислое, но мы выпили его всё. Юля сидела на полу, прислонившись спиной к кровати, и рассказывала о своей матери. О том, как та всегда говорила: «Главное — не привязывайся». О том, как она всё равно привязывалась. К людям, к городам, к случайным попутчикам. Я слушал и молчал. У меня не было таких историй. Или были, но я не хотел их рассказывать.

Я всё-таки рассказал. Не тогда, а через полчаса, когда вино кончилось и она уже не смотрела на меня, а просто сидела с закрытыми глазами.

Мой отец обещал прийти в субботу. Каждую субботу. Он говорил это по телефону, коротко, будто ставил галочку: «В субботу буду». Я ждал его у окна с утра. Смотрел, как двор просыпается, как выносят ковры, как мальчишки гоняют мяч. К обеду я уже знал, что он не придёт. Но всё равно сидел. До темноты. Мать говорила: «Иди поешь». Я не шёл. Мне казалось, что если я отойду от окна, то он придёт именно в эту минуту и не застанет меня.

Так это и осталось. Я до сих пор не умею отходить от окна. Жду, что кто-то придёт и наконец случится.

Она открыла глаза и посмотрела на меня. Ничего не сказала. Только взяла мою руку и подержала. Как держат чужую вещь, которую боишься уронить.

Потом она замолчала. Я тоже. В комнате стало тихо. Только море за окном и её дыхание. Я смотрел на неё. На то, как она сидит на полу, поджав ноги, с бокалом в руке. Волосы упали на лицо, и она не убирала их. Мне захотелось протянуть руку и убрать. Но я не сделал этого. Не знаю почему. Может, боялся, что это будет слишком.

— О чём ты думаешь? — спросила она.

— Ни о чём.

— Врёшь.

— Может быть.

Она улыбнулась и поставила бокал на пол. Потом встала и подошла ко мне. Села рядом на кровать. Наши плечи соприкоснулись. Я почувствовал её запах — вино, сигареты, что-то ещё, неуловимое. Она положила голову мне на плечо.

— Знаешь, — сказала она тихо, — иногда мне кажется, что счастье — это не что-то большое. Это просто вот такие вечера. Когда никуда не надо. Когда рядом кто-то, кто не задаёт лишних вопросов.

— Может быть.

— Ты всегда говоришь «может быть».

— Потому что не уверен.

Она подняла голову и посмотрела на меня. Глаза у неё были тёмные, как вода в октябре. Я не знал, что сказать. Она тоже. Мы просто смотрели друг на друга. И в этот момент я почувствовал, как её рука находит мою. Пальцы переплетаются. Ладонь к ладони. И вдруг что-то внутри меня сдвинулось. Не гром. Не вспышка. Просто тихий щелчок, как будто в замке повернулся ключ.

Я не понял, что это было. Я ждал, что будет больше. Что будет что-то, что я смогу назвать магией. Но ничего не произошло. Только её рука в моей. Только тепло. Только дыхание. Я ждал чуда, а оно было здесь, в этой маленькой комнате, в этой холодной руке, которая согревала мою.

Я не сказал ей ничего. Не сказал, что, кажется, понял что-то важное. Не сказал, что, возможно, магия — это не то, что ищешь, а то, что уже рядом. Я просто держал её за руку и смотрел в окно. За окном было темно. Море шумело. И в этот момент я подумал: если это не магия, то что тогда?

Но утром я забыл об этом. Мы пили чай, собирали вещи, торопились на поезд. Она смеялась над моей помятой рубашкой, я искал вторую сигарету. Всё было, как всегда. И то чувство, которое я испытал ночью, ушло куда-то глубоко. Я не стал его искать. Я вообще не любил искать то, что не кричит о себе.

Мы сели в поезд и поехали обратно. Она спала у меня на плече. Я смотрел в окно на проплывающие поля и думал, что надо будет купить ещё сигарет. И только где-то на середине пути, когда она пошевелилась во сне и её рука коснулась моей, я снова почувствовал этот тихий щелчок. Но не придал ему значения. Я всё ещё ждал грома.

А магия была здесь. В её ладони. В её дыхании. В том, как она спала, доверчиво прижавшись ко мне. Я просто не знал, что это она. Я думал, что магия — это когда что-то происходит. А она уже произошла. Тихо, незаметно, как дождь за окном. И я, как всегда, опоздал её заметить.

Глава четвёртая. Разрыв

Она ушла в среду. Я запомнил этот день, потому что ничего особенного в нём не было. Ни ссоры, ни скандала, ни битой посуды. Просто утро, серое и тихое, как и все предыдущие. Я сидел на кухне и пил кофе. Она собирала вещи в соседней комнате. Я слышал, как открыва-

ются и закрываются ящики, как шуршит ткань, как щёлкает замок чемодана. Я не вставал. Не спрашивал, что она делает. Я знал. И она знала, что я знаю. Мы просто тянули время.

За неделю до этого мы вернулись из той поездки на море. Она смеялась, я молчал. Мы ели макароны, курили на балконе, смотрели, как проходят поезда. Ничего не изменилось. Только я стал замечать, что она всё чаще смотрит в окно и не говорит ни слова. И ещё — что она перестала брать меня под руку, когда мы переходили дорогу. Мелочь. Но я запомнил.

В четверг мы поссорились. Не громко. Так, как ссорятся люди, которые давно живут вместе и уже не умеют кричать.

Она спросила, куда мы поедем летом. Я сказал, что не знаю. Она спросила, буду ли я вообще куда-то с ней ездить. Я сказал, что, наверное, буду. Она сказала: «Ты всегда говоришь «наверное»». Я сказал, что не хочу обещать того, чего не знаю. Она сказала: «Ты не хочешь обещать ничего».

Потом она ушла на балкон. Я остался на кухне. За окном шли поезда, один за другим, по расписанию. Я мог бы выйти к ней. Мог бы сказать что угодно: что боюсь, что не умею, что она мне нужна. Но я сидел и слушал, как стучат колёса. Мне казалось, что это ещё не конец. Что впереди много вечеров и я успею.

Вечеров было ровно шесть. Утром она была как обычно. Варила кофе, курила на балконе. И я решил, что всё обошлось.

В ту среду она вышла на кухню с чемоданом. Тем самым, старым, с потёртыми углами и наклейкой гостиницы в портовом городе. Поставила его у двери. Я отпил кофе. Он был уже холодный.

— Я уезжаю, — сказала она.

— Куда?

— Не знаю. Куда-нибудь. Все равно.

Я хотел улыбнуться — вспомнил вокзал, дождь, её слова. Но не смог. Что-то в её голосе было другое. Не грустное. Не злое. Просто пустое. Как будто она уже ушла, а здесь стояла только её тень.

— Надолго? — спросил я.

— Не знаю. Может, навсегда.

Я поставил чашку. Хотел сказать что-то. Что-то важное. Что-то, что остановило бы её. Но в голове было пусто. Только одна мысль, глупая и неуместная: «Надо купить сигарет». Я не сказал этого. Я вообще ничего не сказал.

Она постояла ещё минуту. Посмотрела на меня. В её глазах не было слёз. Только усталость. Та самая усталость, которую я видел в первый вечер на вокзале. Тогда она показалась мне красивой. Теперь — просто тяжёлой.

— Ты знаешь, почему я ухожу? — спросила она.

— Нет.

— Знаешь. Просто не хочешь сказать.

Я молчал. Она взяла чемодан. Открыла дверь. На пороге обернулась.

— Ты всегда ждал чего-то большего. Я не смогла тебе это дать. И не смогу.

Дверь закрылась. Не хлопнула. Просто закрылась. Тихо. Я остался сидеть на кухне. Смотрел на чашку. На пепельницу. На её сигарету, недокуренную, в углу пепельницы. Я не стал её выбрасывать.

В тот день я не пошёл на работу. Не позвонил никому. Просто сидел у окна и смотрел в пустоту. За окном шёл дождь. Тот самый, упрямый, который проникает в пальто, в ботинки, в мысли. Я курил одну сигарету за другой. Пепельница наполнялась. Я не замечал.

Вечером я встал, прошёлся по комнате. Всё было на своих местах. Её вещей не было, но комната казалась не пустой, а опустевшей. Это разные вещи. Пустая комната — это когда ты только что въехал. Опустевшая — когда кто-то ушёл. Я открыл шкаф. На полке лежал её шарф. Серый, в мелкую полоску. Она забыла его. Или оставила нарочно. Я взял его в руки. Он пах её духами и сигаретами. Я положил его обратно.

# Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.